

Дорога в рай

Орхан
Ханчерлиоглу

РАССКАЗ



Рисунок В. Герасева

Уже более четырех часов шел я по этой дрянной дороге, спотыкаясь о камни, сохранившиеся с тех пор, когда она была вымощена булыжником. Навстречу не попадалось ни одной арбы, даже собак не было. Словно весь мир вымер, и я остался один на этой бесконечной дороге, залитой холодным светом луны.

Наконец, совершенно обессилев, я опустился на обочину, надеясь встретить какую-нибудь арбу с приветливым крестьянином.

Я сидел не шевелясь, пока не услышал легкого скрипа колес. Поняв, что в темноте кто-то едет, я бросился на середину дороги, раскинув руки, как распятый Иисус.

Это была крестьянская телега, покрытая цинковой. Возница, силуэт которого с трудом можно было различить за тощими лошадьми, придержал их, натянув вожжи.

— Куда путь держишь? — спросил он хриплым голосом.

— А ты куда?

— В ад...

— Ну и я туда же, — ответил я и, встав на колесо, прыгнул в телегу, довольный, что не надо больше идти пешком. Как бы там ни было, довезет же он меня до ближайшей деревни, где можно будет выпить горячего кофе.

Мы долго молчали. Возница ни о чем меня не спрашивал, а я забыл даже поблагодарить его. Присев на мешок с сеном, я слушал монотонный скрип колес, певших колыбельную песню. Телега медленно тащилась меж темных грабов, росших по обеим сторонам дороги. Возница вовсе не был рад встрече со мной. Вообще, похоже, это был упрямый, сварливый старик: борода и усы у него закрывали пол-лица, нос выдавался далеко вперед, глаза под мохнатыми бровями светились, как у филина. Иногда он медленно поднимал кнут и, подержав его в воздухе, слегка подхлестывал лошадей. Заметив, что я разглядываю его, он обернулся ко мне и без всяких предисловий начал:

— Да простит аллах его преступления, грех говорить плохо о покойниках, но, наверное, это действительно был плохой человек...

— О ком ты говоришь?

— О том, кто позади.

— А кто там?

— Как кто? Наш дядюшка Реджеб.

Я с любопытством обернулся, но никого не увидел.

— Умер в городе два часа тому назад. Отвез, а теперь вот обратно везу...

Только тут я, к ужасу моему, заметил, что еду в телеге, везущей мертвеца. Однако подумав, что идти пешком еще хуже, я решил не трогаться с места.

— Отчего он умер?

Крестьянин равнодушно пожал плечами и ответил:

— Все умирают от разных болезней. А бедняк умирает только от одного — от бедности.

— В город возил?

— Да, в больницу... Только не приняли. Сказали, что мест нет, велели подождать несколько дней. «Что вы, — говорю, — мы же не можем тут ждать!» Никто и слушать не хочет... Хорошо, что в больнице оказался один парень из нашей деревни, санитар, научил уму-разуму. «Поддай, — говорит, — прошение в вилайет¹, напиши, что больной очень плох, не может ждать и так далее. Если сверху будет указание — сразу возьмут».

«Хорошо, — говорю, — так и сделаем». Заплатил я переписчику лиру, написали прошение, наклеили гербовых марок на шестнадцать курушей... Все из моего кармана. Ну да ладно... Отвезли прошение в вилайет. Но к вали меня не пустили. «Отнеси, — говорят, — к заведующему письмами». Хорошо, а где он? «До обеда, — говорят, — не придет, ушел куда-то по делу». Пришлось ждать.

А Реджеб все стонет да стонет в телеге. Отвел я лошадей в сторону, присел, закурил свой чубук, а Реджеб все стонет... Так прождали мы до обеда. Появился заведующий письмами. Взглянул на наше прошение и черкнул внизу свою подпись. Аллах, ал-

¹ Имеется в виду канцелярия вали (губернатора). (Прим. переводчика).

лах, из-за такого-то пустяка мы ждали восемь часов! «Куда теперь отнести эту бумагу?» — спрашиваю. А он разозлился да как заорет вдруг: «Что вы за болваны такие! Еще с каждым из вас по полчаса разговаривай! Пошел вон!» Выскочил я на улицу, подошел к привратнику: «Земляк, не сердись, я неграмотный. Скажи, куда эту бумагу отнести?» Аллах свидетель, он тоже оказался неграмотным, но, видя эти бумаги каждый день, научился различать, какая — куда. Смотрел, смотрел он на наше прошение, потом говорит: «Это в управление здравоохранения». «А где оно?» «Довольно далеко, — отвечает. — Пройди базар, поверни направо, потом налево и иди прямо, пока не выкуришь папиросу; потом спросишь — там покажут».

Сел я в телегу и после долгих поисков нашел-таки это место. Найти-то нашел, да двери на замке. Спрашиваю прохожих, говорят, что уже закрыто. Пришлось ждать до утра. Поставил я телегу под дерево, постелил на землю шкуру и лег. Реджеб стонет в телеге, я охаю внизу — пролежали так до утра.

В управление я вошел вместе с уборщиками. Подождал около часа, вижу, показался какой-то пожилой человек. Увидел меня и заворчал: «Что приперся в такую рань? Я еще не успел за стол сесть, дух перевести...» Но я, не обращая на это внимания, подаю ему прошение. Он нехотя посмотрел, потом говорит: «Хорошо, но к этому надо приложить справку о бедности. Откуда мы знаем, бедняки вы или нет?»

Против верного слова что скажешь? «Господин, — говорю, — я староста деревни, печать у меня в торбе, сейчас мы все уладим». Впервые поблагодарил я односельчан за то, что избрали меня старостой. Иначе ведь из-за справки опять в деревню возвращайся... Но вот беда: писать-то я не умею! В деревне справки пишет писарь, я только печать прикладываю. Снова пришлось идти к переписчику, снова платить... Чтобы удостоверить нашу бедность, выложили мы две лиры шестнадцать курушей. Все, конечно, за мой счет, Реджебу нечего было отдать, кроме души своей...

«Ну, теперь все, — говорят. — Иди с этой бумагой в больницу». По правде сказать, я поблагодарил аллаха, что все кончилось, нашел нашего парня в больнице, кричу ему: «Все готово, забирай Реджеба!» А тот смеется: «Сначала к главному врачу пройди, пусть он подпишет твою бумагу...» О аллах, как много подпишей! Зашел к главному врачу, дал подписать, а сам радуюсь, что теперь-то, наверное, все. Да видно правду говорят — не радуйся прежде времени...

Подошли мы к телеге и что же видим? Наш Реджеб приказал долго жить. «Да он умер», — говорят санитары. «Сам вижу, — отвечаю, — не слепой». «Мы только больных принимаем, мертвых не берем». «Что ж теперь делать?», — невольно вырвалось у меня. «Как что? Как привез, так и отвезешь». Вот и везу обратно дядюшку Реджеба, но уж не таким, каким вез туда. А что поделаешь? Так, видно, аллаху угодно...

Перевел с турецкого Д. Евгеньев

ОРХАН ВЕЛИ

Турецкий поэт Орхан Вели родился в 1914 году в Стамбуле в семье преподавателя музыки. Высшее образование он получил на литературном факультете Стамбульского университета. В годы второй мировой войны Орхан Вели служил в армии и демобилизовался только в 1945 году.

Писать Орхан Вели начал еще в школе. В развитии его поэтического таланта, в его формировании как поэта-демократа важную роль сыграло творчество Назыма Хикмета и прогрессивных поэтов Октая Рыфата и Мелиха Джеветта. В 50-е годы выходит ряд стихотворных сборников Вели. В своих произведениях он раскрывает большие социальные темы, говорит о тяжелой жизни простого народа Турции. Стихи Вели полны твердой веры в торжество справедливости, в светлое будущее человека-труженика.

Орхан Вели много сделал для ознакомления турецких читателей с выдающимися произведениями русской и мировой литературы. Им переведены рассказы Чехова, повести Гоголя, комедии Мольера, стихи Арагона и Элюара.

Творческий путь поэта оборвался рано, он скончался в 1950 году в возрасте 36 лет. Но еще при жизни Вели его стихи завоевали большую популярность и признание литературной общественности Турции. Благородный борец за счастье простых людей, он вошел в историю современной турецкой литературы как один из лучших ее представителей.

Орхан Вели

БЕСПЛАТНО

Бесплатно живем мы, бесплатно:
Воздух бесплатно, небо бесплатно,
Доли и горы бесплатно,
Дождь и грязь — тоже бесплатно.
Автомобили, кинорекламы, витрины —
На все бесплатно смотри.
Но за хлеб — плати:
Вода морская лишь бесплатно.
За свободу — голова,
А тюрьма бесплатно.
Бесплатно живем мы, бесплатно.

О ХВОСТЕ

У нас дороги разошлись, мне не сойтись
с тобой:
Ты — кошка мясника, я — уличная кошка,
За жизнь веду я бой,
Ты ешь с хозяйской плошки.
Ты гредишь о любви,
А мне лишь кости снятся,
Но и тебе не сладко, мой дружок.
Скажи, легко ли целый день
Вилить хвостом и притворяться?
Щербинина